

молодое искусство еще не удосужились обратить свое благосклонное внимание «культурные» слои, «сливки» капиталистического мира, на капиталы которых растут и процветают старые, апробированные, до-кинематографические искусства — живопись, театр, литература и музыка. Мастера, творческие кадры современного изобразительного искусства стоят еще в стороне не только от рисованной картины, но и от кинематографии вообще. Вот отчего рисованная картина всего американского и европейского кинопроизводства находится на самом низком художественно-профессиональном уровне. Все эти бесчисленные подождания «музилко», котов — Федосеев и пр., немые и звучащие, одноцветные и многоцветные, неселящие мечтания всего мира, ничего, по существу, не отличаются от старого любителя улиц — Петрушки.

Это — тот же, но осовременившийся и индустриализированный Петрушка. Все это должны понять и учесть наши киноработники и кинопроизводственники, часто не в меру восторженные поклонники американских рисованных фильмов.

Но, несомненно, близится то время, когда американские и европейские капиталисты поймут подлинную сущность рисованной картины, ее живописную природу, ее кровное родство с искусством живописи. Тогда меценаты и промышленники соотут для себя выгодным привлечь в это производство лучших мастеров живописи и графики, создадут академии для подготовки в них новых кадров специалистов из самой одаренной и передовой в искусстве молодежи — тогда рисованная картина в руках буржуазии превратится в оружие необычайной силы, остроты и гибкости. Об этом не следует забывать.

Шум успеха, сопутствующий появлению первых рисованных фильмов за границей, успевший достичь уже дверей наших кинофабрик, несомненно, должен привлечь внимание наших кинопроизводственников и нашей кинообщественности к этому; сейчас у нас «обсраиваются», прозябающему в самых кустарных условиях нашего искусства. Социалистическое направление естественный и, в конце концов, неизбежный рост звуковой и цветной рисованной картины в русло киноискусства.

Это вновь нарождающееся искусство должно стать нашим оружием для борьбы за наши цели.

М. ЦЕХАНОВСКИЙ

ЛУДЛЬ. «ЛОЧТА». РЕЖИССЕР — ХУДОЖНИК М. ЦЕХАНОВСКИЙ, КОМПОЗИТОР В. ДЖИЕВ

ЧЕРЬ ПОДАЕТ ЛИТ. «ШЕЛК». РЕЖИССЕР-ОПЕРАТОР А. ГЕЛЬГАР

Ш Е Л К

Рост нашей шелкообрабатывающей промышленности и в связи с этим дальнейшее увеличение потребности в сырье вызывают необходимость создания мощных сырьевых баз с культурными методами добычи натурального шелка и с совершенными техническим оборудованием.

Если мы сегодня занимаем шестое место в мировой добыче коконов, то к концу пятилетия должны иметь третье (Япония, Китай, СССР).

Еще несколько лет назад мы почти не имели шелкомотального производства, и коконы для рынков отправлялись за границу, но теперь при всех крупных шелкомотальных центрах выстроены фабрики, разматывающие коконы в грежу (нитку) и освобождающие нас от иностранной зависимости.

У нас есть Шелковый институт, производится опыты конвейерной выколки червей, установлены механические морилки и сушилки, имеются свои и заграничные технические изобретения и усовершенствования; но много еще работы нужно проделать в аулах и купальнях — главных поставщиках сырья.

Наряду с инкубаториями, в некоторых отдаленных уголках Туркмении сохранились диморфические нарварские способы омовления грены (нит шелкоконичного червя) путем согревания ее под мышкой, под кошмой у костра или в тельяке (палахе) на солнце.

Еще и сейчас червей выкармливают на змеях, в условиях, вызывающих болезни так расположенного к ним тутового шелкопряда.

Еще прибегают к помощи знахарки.

Не редки и случаи нарварского обращения с деревом шелкоковицы (туком), основой шелкоконидства.

Вот основные предпосылки для производимой Туркменкино культурфильмы «Шелк».

Фильма ставит себе целью показать культурные методы шелководства на основе всех имеющихся достижений и, насколько позволяют рамки картины, охватить все процессы, от грены до готового продукта (матери, с применением ее в авиации, ниток простых и хирургических, мельничных сит и т. д.).

Во время съемок нет ни «приготовиться», ни «начали». Сопутствующий червячок присмол себе привилегию режиссера.

Группа, до мути в голове от беспощадного солнца, напряженно следит за поведением капризного создания, когда оно соглашаволит проделать работу по сценарию момент.

Уже кончается третий съемочный день, а кадр не снят.

Напряжение переходит в тихую меланхолию.

— Уж не бросить ли?

— Нет! Нельзя нарушить последовательность биологических моментов. В этом основная ценность картины.

Червячок делает вялое движение и затаивается.

Солнечный удар.

Эти создания совершенно не переносят солнца.

На асфальт кладется съезжающий.

— Какой по счету?